

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

УДК 94(47).084.9

«КОМСОМОЛКА»: МОЛОДЕЖНАЯ ГАЗЕТА КАК ЗЕРКАЛО ЭПОХИ ОТТЕПЕЛИ
Рец. на кн.: Haxtable S. News from Moscow: Soviet journalism and the limits of postwar reform. – New York: Oxford university press, 2022. – XIV, 251 р.

Большакова Ольга Владимировна

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра россииеведения, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия); jkmuf16@yandex.ru

Ключевые слова: советская журналистика; «Комсомольская правда»; 1945–1970 гг.; цензура; социология; Институт общественного мнения.

Для цитирования: Большакова О.В. «Комсомолка»: молодежная газета как зеркало эпохи оттепели // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 4. – С. 78–94. – Рец. на кн.: Haxtable S. News from Moscow: Soviet journalism and the limits of postwar reform. – New York: Oxford university press, 2022. – XIV, 251 р.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive>

DOI: 10.31249/snsn/2025.04.05

Рукопись поступила: 02.11.2025.

Принята к печати: 08.11.2025.

Введение

Общеизвестно, что средства массовой информации в Советском Союзе являлись рупором партийного руководства и служили эффективным инструментом управления населением. История советских СМИ дает прекрасный материал как для осмысления сущности режима, так и для пони-

мания советского общества. Тем не менее исторические исследования этой темы находятся в начальной стадии и в нашей стране, и за рубежом. В зарубежной русистике вышло несколько серьезных книг – правда, посвященных главным образом радио и телевидению, в то время как прессе удалено немного внимания. Контекст этих исследований определяется обстоятельствами противостояния двух сверхдержав в период холодной войны¹.

В то же время немаловажное место в зарубежной историографии занимает тема участия государства в формировании взглядов советского человека посредством СМИ. Вопрос был поставлен в таком ключе в монографии Томаса Волфа, которая признана к настоящему времени классической и послужила отправной точкой для исследований советской журналистики². В русле этой традиции написана книга британского историка Саймона Хакстейбла «Новости из Москвы: советская журналистика и пределы послевоенных реформ» [Haxtable, 2022].

Книга ориентирована на внутреннюю повестку и посвящена истории «Комсомольской правды» – третьей по рангу газеты СССР после «Правды» и «Известий». Это первое монографическое исследование органа советской «большой» прессы и хотя бы поэтому заслуживает подробного рассмотрения. Особый интерес монография представляет в связи со 100-летним юбилеем газеты (1925–2025), который шумно праздновался «Комсомолкой» с использованием всех атрибутов ее нынешнего формата «желтой», или «бульварной» прессы.

Автор использовал большое количество неопубликованных источников из российских архивов (ГАРФ, РГАНИ, РГАСПИ-М, ЦГАМ) и Гуверовского института, а также опирался на мемуары и материалы устной истории, в изобилии публиковавшиеся в России с конца 1980-х годов³. Хорошим подспорьем послужили онлайн-ресурсы архивного характера и широкий круг публицистики – советских газет и журналов.

В книге рассматривается история «Комсомолки» в годы оттепели, однако хронологические рамки исследования шире и охватывают период 1945–1970 гг., поскольку для понимания той перестройки, через которую прошла газета после смерти Сталина, необходимо как минимум представлять себе «стартовую ситуацию». В соответствии с современными тенденциями в зарубежной

¹ Roth-Ey K. Moscow prime time: how the Soviet Union built the media empire that lost the cultural Cold War. – Ithaca: Cornell university press, 2011; Lovell S. Russia in the microphone age: a history of Soviet radio, 1919–1970. – New York: Oxford university press, 2015; Evans C. Between truth and time: a history of Soviet Central Television. – New Haven: Yale university press, 2016; Fainberg D. Cold War correspondents: Soviet and American reporters on the ideological front-lines. – Baltimore: Johns Hopkins university press, 2020.

² Wolfe T.C. Governing Soviet journalism: the press and the socialist person after Stalin. – Bloomington: Indiana university press, 2005.

³ См., в частности: Аграновский В.А. Вторая древнейшая: беседы о журналистике. – Москва: ВАГРИУС, 1999; Аджубей А. Те десять лет. – Москва: Советская Россия, 1989; Алексей Аджубей в коридорах четвертой власти / под ред. Д. Мамлеева [и др.]. – Москва: Известия, 2003; Голованов Я.К. Заметки вашего современника: в 3-х т. – Москва: Доброе слово, 2001; Комсомольская правда. Больше, чем газета: чистосердечные признания команды шестого этажа, служившей «Комсомолке» в 60–70-е годы прошлого века / сост. и ред. Л. Семина. – [2-е изд., доп.]. – Москва: ПоРог, 2006; Панкин Б.Д. Пресловутая эпоха в лицах и масках, событиях и казусах. – Москва: Воскресенье, 2002; Шатуновский И. Записки стреляного воробья. – Москва: Воскресенье, 2003; и др.

руистике хронология основана не на смене советских лидеров, а на содержании периодов, между которыми нет четких границ и просматривается преемственность. Об авторском подходе говорят названия трех частей: «Ритуальный социализм» (1945–1957), «Романтический социализм» (1956–1964) и «Реформаторский социализм» (1960–1970).

За четверть века советская журналистика претерпела серьезную трансформацию, однако автор сосредоточен не столько на ее жанровой истории или исторической социологии, сколько на «столкновении идей и практики» [Haxtable, 2022, р. 12]. Он ставит своей задачей показать на примере «Комсомольской правды», как проходила в стране десталинизация прессы и чем она закончилась.

Особенностью авторского стиля является нейтральность, подчеркивающая стремление к научной объективности. Даже термин «пропагандист» С. Хакстейбл использует безоценочно, в качестве самоназвания журналистов, веривших в коммунистический проект и считавших своим долгом доносить до людей политику партии. В то же время, пишет он, журналисты видели свою роль и в том, чтобы быть активными строителями коммунизма, выступая «агентами социальных изменений», т.е. реформ [Haxtable, 2022, р. 2]. На практике такая позиция создавала коллизии: далеко не всегда их идеи совпадали с представлениями партийных функционеров. Журналисты не обладали полнотой свободы высказывания ни в сталинское время, когда прессы, как констатирует С. Хакстейбл, серьезно деградировала, ни в годы оттепели, поскольку партийный идеологический контроль сильно их ограничивал.

Как совершенно обоснованно формулирует автор, изучение оттепельной истории газеты позволяет понять пределы возможного в условиях, когда предписания и инструкции стали менее жесткими, дисциплина – менее строгой, а журналисты получили некоторую творческую свободу.

Под чутким руководством

Молодежь всегда находилась в фокусе внимания партийного руководства, а после смерти Сталина, с началом эпохи обновления, когда слово «молодость» стало значимым тропом современности, молодежная политика обрела особую актуальность. В период оттепели «Комсомолка» оказалась в авангарде изменений. Будучи эталоном для всей молодежной прессы страны, газета задавала тон, выдвигая новые идеи, экспериментируя с жанрами, обогащая публичный дискурс интересными сюжетами.

Коллектив газеты по своему составу был также молодым и очень дружным – многие вспоминают об особом «духе шестого этажа» здания на ул. Правды, где размещалась «Комсомолка». Отмечая общий творческий настрой, автор не упоминает о том, насколько талантливыми были эти молодые сотрудники «поколения пятидесятников», родившихся в конце 1920-х – начале 1930-х годов – а многие из них составили славу советской журналистики, определив ее облик на долгие

годы. Достаточно назвать Валерия Аграновского, Ярослава Голованова, Василия Пескова, Инну Руденко. В то же время С. Хакстейбл весьма подробно характеризует ее главных редакторов: Д.П. Горюнова (1950–1957), Ю.П. Воронова (1959–1965), Б.Д. Панкина (1965–1973), применяя эпитет «талантливый» только к Алексею Аджубею¹, возглавлявшему газету в 1957–1959 гг. И то эпитет относится к характеристике его организационных способностей, новаторства, преобразившего советскую прессу (в большой степени благодаря связям, которые помогали решать проблемы с партийной элитой).

На примере «Комсомолки» в книге показаны разные ипостаси цензуры СМИ, практиковавшейся в Советском Союзе в послевоенное время и мало изменившейся к началу Перестройки*. Очень кратко описано, как работала сложная и многоуровневая предварительная цензура, в частности повседневная практика взаимодействия газеты с представителями Главлитта, ставившими свой цензорский знак в правом нижнем углу последней страницы каждого выходившего номера. Формально в обязанности официального цензора входило лишь наблюдение за тем, чтобы в материалы не просочились какие-то сведения, содержащие государственную и военную тайну – задача сама по себе непростая, учитывая, что засекреченный перечень этих тайн рос иширился с каждым годом. Однако в общей атмосфере подозрительности цензоры каждую ошибку трактовали как политическую, которая может «дезориентировать читателя». Вполне обоснованный страх допустить ошибку обусловливал поведение сотрудников газеты на всех стадиях производственного процесса. Ответственность за поступивший материал несли редакторы отделов, затем текст проверялся ответственным секретарем и его офисом, далее – членами редколлегии. Немалая доля ответственности лежала на корректорах, которые также выступали в роли цензоров, культивируя особый языковой педантизм и редактируя тексты по своему разумению (Илья Эренбург как-то жаловался, что его яркую статью превратили в серую передовицу) [Haxtable, 2022, p. 23–25].

Характерной особенностью советских газет являлась коллегиальность принятия решений: еженедельно проходили «летучки» у главного редактора, заседания редколлегии и планерки. На летучках обсуждались уже вышедшие материалы, давалась их оценка с профессиональной точки зрения – иногда очень резкая, но никогда не делалось «коргыводов». По словам автора, проанализировавшего стенограммы заседаний, это была свободная дискуссия специалистов (часто очень открытая), что свидетельствует о существовании даже в самые темные сталинские времена «ограниченной публичной сферы» [Haxtable, 2022, p. 24].

¹ Алексей Иванович Аджубей (1924–1993), более всего известный как «зять Хрущева», окончил факультет журналистики в 1951 г., после чего работал в «Комсомольской правде». В 1959 г. возглавил «Известия» и превратил ее из официоза в любимую газету миллионов читателей, «символ оттепели». После снятия Хрущева был немедленно выведен из состава ЦК, снят с поста главного редактора и направлен заведующим отделом публицистики в рекламный журнал «Советский Союз». Печататься под своей фамилией смог только после прихода к власти Горбачева.

* Термин здесь и далее приводится в авторской редакции.

Огромную роль играла политическая цензура. Будучи официальным органом ВЛКСМ, газета находилась на контроле ЦК комсомола, но одновременно и «большого» ЦК. Главные редакторы участвовали в регулярных совещаниях на Старой площади и в Кремле, а кроме того отправляли на одобрение издательские планы (недельные, месячные и квартальные) и даже макеты первой страницы, а также тексты отдельных «сомнительных», с их точки зрения, статей; существовала практика ночных звонков в редакцию «сверху». Описывая журналистов как «дирижеров» процесса выпуска газеты, автор подчеркивает, что партия не могла осуществлять абсолютно полный контроль над изданием, и «тоталитарная власть» даже в послевоенные годы редко была всеохватной. По каждому номеру редакция принимала собственные решения, которые не всегда оказывались верными с точки зрения партийного и комсомольского руководства и за которые приходилось затем расплачиваться [Haxtable, 2022, p. 38].

Пожалуй, самой значимой для понимания взаимоотношений власти и СМИ в СССР следует признать практику проверки номера после публикации, которую осуществляли в первую очередь партийные органы. Такого рода последующая цензура была жесткой, неотвратимой, а часто и не-предсказуемой. Журналистам приходилось не только соответствовать актуальной на данный момент идеологической линии, но и предугадывать вкусы и капризы своих политических надзорителей. Далеко не всегда это удавалось, что делало их профессиональную жизнь «крайне ненадежной и рискованной». Именно идеологической последующей цензуре в книге уделяется наибольшее внимание – в отличие от самоцензуры, которая была естественным следствием такой ситуации и, как известно, достигла в СССР невиданных масштабов.

Алгоритм «последующей» партийной и комсомольской цензуры хорошо иллюстрирует пример с нашумевшей статьей будущего главреда «Комсомолки» Бориса Панкина «Как погасили «Факел»», опубликованной 9 декабря 1956 г. Речь шла о молодежном клубе, который организовали в Калуге и быстро закрыли под давлением горкома партии. Этот сюжет освещается в литературе – в том числе и потому, что одним из инициаторов создания «Факела» был никому пока не известный Булат Окуджава, работавший ответственным секретарем калужской газеты «Молодой ленинец». Он и пришел тогда в редакцию «Комсомолки» со своей жалобой¹.

Последствия резонансной публикации рассматриваются достаточно подробно. На летучке ее поставила в пример остальным «беззубым» критикам Натэла Лордкипанидзе, Калужский обком в письме тогдашнему секретарю ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепину признал свои ошибки и даже предпринял попытку вновь открыть клуб. Но затем пошла ответная реакция – в условиях, когда партия была озабочена событиями в Венгрии и ростом «нездоровой активности» советского студенчества.

¹ Рассказ С. Хакстейбла дополняют воспоминания сотрудников изательского дома «Комсомольская правда». В частности, мы узнаем о позиции тогдашнего главреда Горюнова, настоявшего на том, чтобы назвать в статье по имени «старших товарищей» – притом, что партийных деятелей называть в то время было запрещено, – а потом объявил благодарность и выписал премию молодому автору материала [Гольдфарб, 2008, с. 276–277].

В январе 1957 г. Горюнова вызвали на весьма тяжелую «беседу» на бюро ЦК ВЛКСМ, где речь шла о недостатках газеты, в том числе о ее приверженности к критическим публикациям в ущерб позитивным, что подхватывается зарубежной прессой. Горюнов критику принял. А вскоре на состоявшемся в конце февраля Пленуме ВЛКСМ первый секретарь Калужского обкома Сazonова сильно критиковала «Комсомолку» за ряд публикаций, обвинив газету в стремлении к сенсационности, даже в «вульгарности», прямо указав на статью Панкина, которую однако же признала частично верной (хотя – и это замечание важно – она и дает материал буржуазной прессе о «нарушении прав молодежи» в СССР). В начале марта «Комсомолка» опубликовала послесловие к статье «Как погасили “Факел”», признав некоторые неточности.

По воспоминаниям автора статьи Панкина, его долго «таскали по кабинетам», «допрашивали» Семичастный – второй тогда человек в комсомоле. Панкин внимательно выслушивал назидания, но реальной опасности не чувствовал [Панкин, 2002, с. 74]. По итогам победа была у газеты отнята, хотя физически никто не пострадал, да и речь шла о победе исключительно моральной [Нахталье, 2022, р. 78–82].

Бывали и более тяжелые последствия, как в случае с публикацией 21 июля 1965 г. материала Аркадия Сахнина «В рейсе и после» о капитане Солянике, который руководил китобойной флотилией «Слава». Герой социалистического труда, капитан-директор Соляник был вознесен партийной пропагандой на вершину славы, и вдруг выходит статья о вопиющих злоупотреблениях. Больше всего возмутило читателей то, как относились там к людям (было показано, что флотилия фактически плавучая тюрьма).

Коллеги сочли статью большим достижением, «шагом вперед» на пути к коммунизму, ее привели в пример делегации британских профсоюзов в качестве доказательства «свободы прессы в СССР». А в эшелонах власти начала разворачиваться «драма», как пишет автор, причем с новыми, незнакомыми прежде поворотами. Знакомой была реакция местных органов в Одессе (куда была приписана флотилия), вставших на сторону Соляника. В Москве, напротив, некоторые приняли сторону газеты, что также было не ново. Новым стало противостояние в самых верхах, которое обнаружилось на заседании Секретариата ЦК, разбиравшем «дело». «Ответчиками» выступали главред «Комсомолки» Ю.П. Воронов и поддержавший газету курировавший ее и.о. заведующего отделом пропаганды ЦК (Агитпропа) А.Н. Яковлев, один из будущих «прорабов перестройки». Группа А.Н. Шелепина («железного Шурика», как его называли за глаза)¹, который в бытность свою первым секретарем ЦК ВЛКСМ привез из Ленинграда Воронова, противостояла

¹ Александр Николаевич Шелепин (1918–1994) в 1958–1961 гг. занимал должность председателя КГБ СССР, в 1962–1965 гг. возглавлял Комитет партийного контроля при ЦК КПСС и Совмине. Активный участник смещения Хрущева, затем вместе группой бывших «комсомольцев», соратников по прежней работе в ВЛКСМ (председателя КГБ В.Е. Семичастного, председателя Гостелерадио Н.Н. Месяцева и др.) вел борьбу с Брежневым, однако потерпел поражение и в 1967 г. стал председателем ВЦСПС. Его сторонников отправили послами в разные страны, в том числе бывшего главреда «Комсомолки», а на тот момент руководителя ТАСС, Д.П. Горюнова – в Кению.

«днепропетровской мафии»¹, группировавшейся вокруг Брежнева (который вдруг пришел на заседание). Непредвиденный итог разбору «дела» подвел М.А. Суслов, предложивший Солянику уволить (но партийного взыскания тот так и не получил).

Казалось, газета одержала победу, однако вскоре оказалась под огнем критики «за искажение некоторых фактов». Воронова, которого прочили в главные редакторы «Известий» вместо смешенного со всех своих постов Аджубея, отправили с большим понижением в «Правду» – на должность ответственного секретаря, а вскоре на 14 лет собкором в Берлин (при том, что переживший подростком ленинградскую блокаду Воронов не переносил немецкую речь). В конце 1965 г. «Комсомолку» возглавил бывший заместитель главного редактора Борис Панкин [Haxtable, 2022, p. 190–194]. Подводя итоги этого случая, автор заключает, что, публикуя материал о китобоях, Воронов как главный редактор нарастил культурный капитал газеты, но «истощил фонд ее политического капитала». Фактически, публикация материала в «Комсомолке» стала поводом для проявления внутриэлитной борьбы после смещения Хрущева. Кроме того, эта история продемонстрировала сужение пределов дискуссий. К осени 1965 г. стало ясно, что курс не будет либеральным [Haxtable, 2022, p. 195].

Между двумя этими эпизодами лежит вся оттепель, рупором которой, как считают, стала «Комсомолка». За эти девять лет газета изменилась радикально.

О преемственности и разрывах в оттепельной журналистике

Как пишет С. Хакстейбл, журналистику периода оттепели принято противопоставлять журналистике последних лет сталинского правления с ее культом личности, тяжелой клишированной фразеологией и отсутствием прямой связи с читателем, – что на первый взгляд кажется правомерным [Haxtable, 2022, p. 51]. Собственно, сама идентичность оттепельной журналистики строилась на таком противопоставлении. Однако автор старается, и не безуспешно, подметить преемственность между двумя эпохами.

Во-первых, многие ритуалы – такие, как выборы в Верховный совет, сохранились вплоть до распада СССР, и газеты были обязаны их освещать. Многие тропы сталинской эпохи, включая «всенародное голосование», «самые демократичные выборы в мире» и др., выдержали испытание временем. При этом, обращает внимание автор, при всей клишированности официального дискурса, содержание этих клише также играло свою роль.

Во-вторых, С. Хакстейбл подчеркивает, что журналистика эпохи оттепели уходит своими корнями в период позднего сталинизма. Свои выводы он основывает на материалах о проблемах советской школы, прежде всего авторства Фриды Вигдоровой, которые появлялись в «Комсомоль-

¹ Имеются в виду первые секретари ЦК КП Украины Н.В. Подгорный (занимал эту должность в 1957–1963 гг., а в 1965 г. стал Председателем Президиума Верховного Совета СССР) и П.Е. Шелест (занимал эту должность в 1963–1972 гг.).

ской правде» вплоть до ее увольнения оттуда в 1948 г. [Haxtable, 2022, р. 45–50]. Можно возвратить, что эти публикации пришлись на краткий период послевоенной «оттепели» 1945–1946 гг., когда можно было говорить и писать о многом. За ним последовали годы борьбы с низкопоклонством перед Западом и прочие идеологические кампании, что потребовало от журналистов серьезных самоограничений. Другое дело, что целый ряд проблем, которые пытались освещать в «Комсомолке», сохраняли свою актуальность и в середине 1950-х выплеснулись на поверхность.

Собственно, черты преемственности можно усмотреть и в секретном докладе Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде. Выдвинутые обвинения, включая не только необоснованные репрессии, но и неготовность к войне, а также призывы к восстановлению социалистической законности и ленинских принципов, нацеливали на обновление общества путем «критики и самокритики». Этот троп, хорошо известный с 1920–1930-х годов, был основательно рассмотрен зарубежной историографией, на опыт которой и опирается автор, определяя доклад Хрущева как «ритуал обвинений и самообвинений», сложившийся еще до войны [Haxtable, 2022, р. 64].

Несмотря на определенные черты преемственности как со сталинским прошлым, так и с брежневским будущим, оттепельная журналистика, которая чаще всего связывается с именем Алексея Аджубея, характеризуется все же серьезным разрывом. Наглядно он проявился в изменении облика «Комсомолки» не без влияния западных образцов: были пересмотрены общие принципы макетирования, появилось много фотографий, в том числе партийных лидеров (что прежде требовало очень серьезных согласований), возникли новые рубрики и жанры, которые вносили в газету определенный развлекательный элемент и должны были привлечь внимание молодежной аудитории. Кардинально изменился язык публикаций.

Восстановление доверия читателей, установление с ними тесного контакта было поставлено на повестку дня сразу после смерти Сталина. Но теперь речь шла о прямой связи с самым широким читателем, а не с активом, к которому «КП» адресовалась прежде. Газета получала тысячи писем, и если в 1950 г. их было примерно 50 тыс., то в 1960 г. – уже более 200 тыс. [Haxtable, 2022, р. 89]. Отдел писем должен был их регистрировать, каталогизировать и отвечать на каждое. В 1955 г. 30% составляли жалобы, особенно вопиющие случаи становились предметом журналистских расследований [Haxtable, 2022, р. 57]. Тогда возникла рубрика «Письмо позвало в дорогу», и командировки «в глубинку» стали неотъемлемой частью быта московских корреспондентов, которые разговаривали с «интересными людьми», делая их идеи и мнения достоянием самой широкой аудитории. Главный редактор Алексей Аджубей давал своим подчиненным возможность свободно писать о том, что им кажется интересным. Его журналистским кредо была живая и

«читательная» пропаганда. Согласно одному из его принципов, в каждом номере должна была быть «бомба» – или «гвоздь», которые захватили бы внимание читателя¹ [Haxtable, 2022, p. 91].

Эти традиции продолжили его преемники. Газета стала гораздо свободнее в публикации критических материалов, которые всегда занимали важное место в представлениях журналистов о своей профессии. И если в тяжелые периоды желательным форматом любой критики, включая фельетоны, становилась «борьба хорошего с лучшим», то теперь «насильственный позитив», имеющий своей целью консолидацию общества, представлялся крайне вредным для строительства будущего, далекого коммунизма, а в текущий момент – более гуманной формы социализма. Газета становится куда более острой, откликаясь на запросы читателей и одновременно находясь в тесном диалоге с комсомольским и партийным руководством.

От романтики к pragmatizmu

Основополагающим для дискурса эпохи оттепели, в которой центральное место занял человек, являлся троп «романтики», прямо противостоявший тому бюрократическому формализму, «чиновному бездушию», с которым «Комсомолка» боролась все активнее. Достаточно неопределенное, но ясное всякому понятие «романтика» стало отправной точкой для поисков положительного образа «нашего современника» и одновременно инструментом для его создания – ибо газета всегда видела своей задачей воспитание читателя. В культуре того времени «романтика» ассоциировалась с бардовской песней и турпоходами, с дикой природой и далекими, неосвоенными землями Сибири и Арктики – но также и с личной свободой, с духовными поисками, с верой в будущее, и было заряжено неким бунтарским духом. По определению автора, романтика выражала духовные потребности поколения, искавшего свою дорогу: свои ценности, символы и свои пространства [Haxtable, 2022, p. 120, 126].

Первыми символами романтики, как ее интерпретирует С. Хакстейбл, стали два крупных проекта, запущенных в 1954 г.: освоение целинных земель и строительство Братской ГЭС, объявленное ударной комсомольской стройкой. Молодежь быстро откликнулась на призывы партии и комсомола, и газета подхватила инициативу «снизу», став одновременно «и отражением, и мотором» этого движения.

На примере публиковавшихся «Комсомолкой» писем и дневников в книге показано, что при всех апелляциях к ценностям колLECTивизма романтика включала в себя стремление состояться как личность. Использование тропа романтики позволило газете значительно расширить количество публикаций на морально-этические темы, отвечая на запросы общества и направляя их в нужное русло. Так, проводилось жесткое противопоставление тех, кто искал на стройках коммунизма «настоящую жизнь», тем, кто «погнался за длинным рублем».

¹ Яркий и, пожалуй, исчерпывающий портрет Аджубея-журналиста см.: [Пять принципов ..., 2004].

Журналисты «Комсомолки» изображали молодых энтузиастов наследниками великих строек первых пятилеток, принявших эстафету у предыдущих поколений. При этом, обращает внимание С. Хакстейбл, апелляция к истории была выборочной, сталинские репрессии не замечались. Последующая рефлексия по этому поводу отражена в воспоминаниях Инны Руденко, одного из ведущих корреспондентов «Комсомолки»: «...я на стремнине жизни! И эта моя приподнятость явно мешала мне видеть жизнь в ее реальных противоречивых сложностях. То есть я их как бы видела – знала же, к примеру, сколько на стройке коммунизма заключенных или только что вышедших из тюрем политических, – но писать об этом? Такое не приходило в голову» [Руденко, 2003, с. 760]. Подобный вопрос обсуждался на летучке 28 апреля 1958 г. в связи с материалом из Братска, и было единодушно признано, что писать об этом не стоит [Haxtable, 2022, р. 103]¹.

В автобиографических публикациях газеты (главным образом в рубрике «Современники») С. Хакстейбл усматривает вариант социалистического реализма – метода изображения действительности такой, какой она должна быть и обязательно станет в будущем, – и дает этому литературному явлению название «соцромантизм». По мнению автора, отличия заключались в том, что нынешние тексты характеризовались большим индивидуализмом по сравнению с эпохой сталинизма, а кроме того, в них просматривается реакция на «западный» образ жизни с его потребительскими ценностями, с которыми советские люди могли познакомиться, в частности, в ходе знаменитых «кухонных дебатов» Хрущева с Никсоном на открытии в 1959 г. Американской национальной выставки в Сокольниках. Для многих комсомольцев перспектива карьеры и материальных благ «домашнего уюта» совсем не выглядела привлекательной. Романтические герои «Комсомолки» видели советскую утопию иной, основанной на революционных ценностях аскетизма, самопожертвования и товарищества. В каком-то смысле « побег на периферию» выглядел протестом (пусть не всегда сознательным) против ценностей потребления и бюрократизировавшегося городского мира². Здесь можно было проявить свой характер, проверить себя на прочность и раскрыть свои способности – и одновременно продемонстрировать преимущества коммунизма [Haxtable, 2022, р. 108, 121].

Усилия газеты по конструированию образа нового героя в духе романтизма были направлены на поддержку самых разных молодежных инициатив, и некоторые из них она пыталась возглавить, как в случае с коммунарским движением, возникшим в конце 1950-х годов в среде ленинградских пионервожатых. Это был педагогический эксперимент, основанный на наследии Макаренко и Сухомлинского. В 1959 г. была организована «Коммуна юных фрунзенцев», которая

¹ Из материала книги можно заключить, что десталинизация в прессе осуществлялась скорее косвенно: путем борьбы за восстановление «социалистической законности» и возвращение к «ленинским принципам», добавим – с сопутствующей романтической героизацией Октябрьской революции и Гражданской войны.

² Трактуя отъезд на периферию как побег, автор подчеркивает, что это позволяло искателям приключений, чувствовавшим себя первоходцами, оставаться «внутри» советского проекта, в отличие от хиппи или художников андеграунда, которые, напротив, оставаясь в центре, находились «вне» официального общества [Haxtable, 2022, р. 121].

ассоциативно отсылала к коммунам 1920-х годов и практикам гайдаровских тимуровцев, будучи во многом созвучна, со своими «откровенными разговорами» у костра и коллективными «творческими мероприятиями», культуре эпохи оттепели [Haxtable, 2022, р. 130].

«Комсомольская правда» поддерживала в 1962–1966 гг. это «экспериментальное педагогическое движение», которое, по словам автора, представляло собой вызов советской молодежной политике [Haxtable, 2022, р. 124]. С этим трудно не согласиться, однако в рассмотрении этого сюжета не хватает институционального контекста, в данном случае хотя бы упоминания о масштабной реформе школы, которая широко освещалась «Комсомолкой»¹.

Нехватка общего контекста – слабое место монографии в целом. Несмотря на то, что в заглавии книги присутствует слово «реформы», сами косыгинские реформы 1965 г., направленные на децентрализацию экономического планирования и быстро свернутые, никак не характеризуются, а их предыстория, начавшаяся со знаменитой публикации в 1962 г. в «Правде» статьи харьковского экономиста Е.Г. Либермана, очерчена пунктирно. Внимание автора обращено главным образом на изменения в общекультурном контексте, когда романтизм как культурное явление эпохи оттепели и одновременно инструмент пропаганды в СМИ уступает место прагматике технократизма.

С. Хакстейбл отмечает, что уже в 1964 г., после снятия Хрущева и критики «волюнтаризма» (когда «обещания и оптимизм хрущевского периода обратились в прах»), романтика стала восприниматься журналистами как проблема. На смену приходят «трезвые ценности брежневской эпохи, обещавшие благополучие и комфорт», но «без драматизма» [Haxtable, 2022, р. 122].

Однако «трезвые ценности» вышли на сцену еще при Хрущеве. И сам автор усматривает их признаки не только во взятом курсе на обеспечение материального благосостояния советских людей (который был объявлен в новой программе партии 1961 г., более всего известной по лозунгу «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»), но и в возникновении «технократической волны» в советском обществе. Так С. Хакстейбл назвал всеобщий интерес к науке с ее «точным» знанием и «объективными» данными, который ширился в Советском Союзе, захваченном научно-технической революцией.

На новый общественный запрос быстро отреагировала «Комсомолка», где осенью 1959 г. началась дискуссия между «физиками» и «лириками», которая привлекла внимание самой широкой аудитории. И хотя противостояние на страницах газеты довольно быстро завершилось очевидным выводом о необходимости гармонического сочетания науки и культуры, дискуссии в печати про-

¹ Кризису школы в результате реформ 1943 г. (превративших ее в казарму) в книге уделяется некоторое внимание, но нигде не упоминаются такие важнейшие акты преодоления их последствий, как отмена раздельного обучения мальчиков и девочек в 1954 г., отмена в 1956 г. введенной в 1940 г. платы за полное среднее и высшее образование, а также введение в 1958 г. всеобщего восьмилетнего обучения с увеличением полного среднего образования на один дополнительный класс (старшеклассники должны были 1–2 дня в неделю работать на предприятии либо в сельском хозяйстве, получая профессию). В 1963 г. 11-й класс был ликвидирован как неудавшийся эксперимент (см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Образование_в_СССР).

должались, сигнализируя о возникновении в СССР технократического общества [Haxtable, 2022, р. 112–115].

Таким образом, к приходу Брежнева «сцена» была готова, да и сам он, по словам автора, пришел к власти как наследник, а не могильщик хрущевских реформ – которые просто предполагалось проводить «рационально и эффективно», а не волонтаристскими методами [Haxtable, 2022, р. 187]. Ключевым становится слово «модернизация», и места для революционного оптимизма и романтического максимализма предыдущих лет в условиях НТР уже не осталось [Haxtable, р. 187–188]. Однако некоторая преемственность сохраняется, что позволяет автору говорить о нескольких годах «брежневской оттепели», которая сменилась заморозками лишь к концу 1960-х. Рассмотрение истории созданного в 1960 г. в «Комсомольской правде» Института общественного мнения (ИОМ) дает представление о «технократическом сдвиге» 1960-х годов и указывает на изменение в понимании журналистами своей социальной роли. Они стали видеть себя не только пропагандистами, активистами и наставниками молодежи в сфере морали, но и «исследователями реальности», вдумчивыми и трезвыми аналитиками, неуклонно повышающими свой КПД [Haxtable, р. 155, 188].

Институт общественного мнения и (воз)рождение социологии в СССР

Безусловно, Институт общественного мнения (ИОМ) стал значимым общественным явлением, учитывая авторитет и миллионные тиражи «Комсомолки», где печатались результаты проводимых опросов. Основные сведения о нем хорошо известны¹: все началось 19 мая 1960 г., когда «Комсомолка» объявила об организации такого института и опубликовала результаты первого опроса. Его возникновение было спонтанным и связано с инцидентом 1 мая 1960 г., когда под Свердловском был сбит американский самолет-разведчик. 15 мая на саммите «большой четверки» Хрущев потребовал извинений от Эйзенхауэра за полет Пауэрса, и встреча, на которой предполагалось обсудить вопросы о гонке вооружений, закончилась ничем. «Комсомолка», как и все советские газеты, немедленно откликнулась на «акт агрессии», а 10–14 мая был проведен первый краткий опрос «Удастся ли человечеству предотвратить войну?». Ответы 1000 респондентов, проживавших вдоль 30-го (пулковского) меридiana, оказались предсказуемы и были поданы как свидетельство единодушной поддержки миротворческой политики партии и правительства.

Все это было сделано «Комсомолкой» на свой страх и риск, но получило мгновенное одобрение Хрущева. Однако долгое время никакого института в его традиционном понимании, собственно, не было: всю работу сначала вели двое сотрудников отдела пропаганды, философ по образованию и социолог по научным интересам Борис Грушин и журналист Валентин Чикин.

¹ Подробности о деятельности ИОМ и ее оценки см.: [Грушин, 2003; Российская социология 1960-х ..., 1990].

Формальным подразделением в структуре редакции газеты ИОМ стал только в 1966 г., что было связано с возвращением Грушина из длительной командировки в Прагу.

За семь с половиной лет своего существования институт провел 27 опросов, включая один международный, из них 20 всесоюзных, 3 межрегиональных и 3 региональных [Грушин, 2003, с. 60]. Закрыт он был в конце 1967 г. после скандального опроса «Молодежь о комсомоле», результаты которого, отнюдь не «фанфарные», функционеры перенести так и не смогли.

Созданный на базе центральной молодежной газеты ИОМ получил в свое распоряжение ее ресурсы, прежде всего возможность опрашивать огромную читательскую аудиторию, а затем публиковать результаты. Вначале наблюдался гармоничный tandem журналистики и социологии, которая только нарабатывала методику анкетирования. Полученный материал позволял подтвердить «общенародную поддержку» политики партии, однако с течением времени научный компонент стал расширяться, освобождаясь от навязываемых идеологических задач.

Автор описывает историю ИОМ как важнейшую дисциплинарную трансформацию и в советской журналистике, и в социальных науках, помещая эти процессы в контекст становления в СССР профессиональной социологии после ее разгрома в конце 1920-х годов¹. По его словам, эта история, характеризующая изменения в отношениях между политическими элитами и гражданами, представляет собой сложное взаимодействие специалистов, политиков и журналистов. Конфликт между ними был неизбежен – слишком различались цели и интересы сторон [Haxtable, 2022, р. 157–158].

В то время как социология ставила своей целью беспристрастное научное «изучение и распространение информации» о взглядах советских людей и в итоге создавала картину социальной гетерогенности, в намерения советских массмедиа входила «научно обоснованная» выработка образа единства. Партия, со своей стороны, провозгласила, что пропаганда может быть эффективной только тогда, когда она опирается на новейшие исследования – которые, как предполагалось, должны лишь подтвердить исходные идеологические постулаты. Так что само положение ИОМ в рамках отдела пропаганды «Комсомольской правды» содержало в себе зерна конфликта.

Заслуживают внимания авторские оценки ИОМ как «мощного инструмента социального изменения», который давал читателям беспрецедентную возможность высказать свое мнение и при этом выявлял расхождения между изображением советского общества в медиа и взглядами самих граждан. Опросы, по мнению С. Хакстейбла, явились знаком того, что «коды политической легитимности изменяются, создавая ситуацию, в которой партия как минимум кивала на общественное

¹ Разгром был настолько тотальным, что начинать советским социологам пришлось фактически с нуля, пытаясь догнать ушедшую далеко вперед мировую науку. На наш взгляд, следовало бы говорить именно о *рождении* советской социологии, учитывая создание в конце 1950-х – начале 1960-х годов научной инфраструктуры дисциплины и медленное ее конституирование в крайне неблагоприятных идеологических обстоятельствах, – хотя большинство авторов склоняется к термину «возрождение».

мнение и чувствовала себя обязанной предлагать обоснование своей политики. Опросы меняли образ правления, представляя общественное мнение силой, которую нужно изучать, понимать и управлять ею» [Haxtable, 2022, р. 158].

Отдельно автор останавливается на дисциплинирующей и нормализующей функции опросов. Известно, что опубликованные результаты, распределяющие индивидов вокруг некой нормы, побуждают граждан невольно присоединяться к большинству. Нормализующая функция не является специфически советским изобретением, однако в данном случае, пишет С. Хакстейбл, она оказывается особенно полезной, приводя аудиторию к определенной норме поведения и регулируя различия во имя единства. На совещании в Союзе журналистов в 1964 г. Валентин Чикин прямо заявил, что публикации ИОМ помогли сформировать общественное мнение по ряду вопросов, и в письмах респондентов заметно их желание придерживаться «правильной» точки зрения [Haxtable, 2022, р. 171]. В то же время опросы продемонстрировали большую свободу советских граждан в высказывании своего мнения – и большое желание высказаться, что свидетельствовало о доверии читателей как к социологам, так и к газете.

Притом, что первые опросы ИОМ представляли собой форму «плебисцитарного одобрения», к институту все чаще обращались за реальными данными. Заказы поступали от организаций и предприятий, а затем в газете публиковались интервью с министрами – торговли, легкой промышленности, транспорта, где указывались конкретные, подтвержденные цифрами недостатки (очереди, дефицит и пр.). МВД заказало опрос о детской и подростковой преступности, а от Секретариата ЦК КПСС поступил заказ по поводу государственного гимна, слова и музыку которого готовились изменить. Однако результаты таких опросов не подлежали обнародованию, им присваивался гриф «ДСП», что входило в условия договора [Haxtable, 2022, р. 179–180].

Социологические обследования становились все более популярными, а по мере внедрения в плановое хозяйство элементов хозрасчета – и просто необходимыми. Когда в 1964 г. был отменен лимит на тиражи и введена свободная подписка на периодику, газеты столкнулись с проблемой читательского спроса. Чем больше была подписка, тем больше тираж и соответственно бюджет издания, включая зарплаты. В каком-то смысле реформа стала экзаменом для прессы, обозначившим попытку перехода к массовой журналистике с ее коммерческим интересом¹ [Haxtable, 2022, р. 200–201].

После того, как в ходе первой же подписной кампании «Правда» уступила свое первенство «Известиям» и «Комсомолке», обследованием читательской аудитории СМИ занялись прицельно. Благодаря имеющемуся ресурсу в лице ИОМ, «Комсомолка» могла получать сведения такого рода в большом количестве. Однако результаты, неприятно поразившие журналистов, не убедили их в

¹ Переход произойти не успел, и проблема была решена административным путем: вплоть до начала Перестройки подписку хотя бы на одну газету стали требовать от своих сотрудников предприятия, а от комсомольцев – учебные заведения.

том, что следует менять формат в сторону большей развлекательности и укорочения материалов. По-прежнему педагогическая функция газеты оставалась на повестке дня, так что была поставлена задача «образовывать» массового читателя, делая его «серьезным» – что согласовалось с призывом партии к «трезвости и серьезности в прессе».

В газете к этому времени уже возникли новые рубрики для обсуждения экономических проблем, в которых принимали участие экономисты, планировщики, кибернетики и социологи. Развивались такие жанры, как научная публицистика, социально-экономические очерки, дискуссионные клубы молодежи, которые во второй половине 1960-х годов вытесняются более нейтральными круглыми столами с участием «экспертов». И хотя, по отзывам читателей, газета стала менее интересной (кто-то даже назвал ее «бюрократической»), тенденция «технократизма», как ее определяет автор, продолжилась. Период между 1964 и 1968 г. он характеризует как переходный момент от романтики к консерватизму. Романтического героя следовало заменить «статистически средним» индивидом, который должен был соответствовать запросам наступающей эпохи [Haxtable, 2022, p. 213]. По меткому выражению одного социолога, «романтику первопроходцев вытеснял корпоративный дух чиновничества» [Ольшанский, 1999, с. 188].

Процесс централизации, включавший в себя активную институционализацию неформальных структур с отсечением «неподходящих», начался еще в хрущевское время и усилился при Брежневе. Затронул он и социологию, которая была нужна партии для обеспечения «рационально-бюрократического» правления. И хотя в 1967 г. был закрыт ИОМ, в 1968 г. открыли Институт конкретных социологических исследований (ИКСИ) АН СССР, а через год в его структуре появился Центр изучения общественного мнения во главе с Грушиным, который, впрочем, закрыли очень быстро, уже в 1972 г.

Границы дозволенного все заметнее стали сжиматься еще перед началом «пражской весны», а начиная с 1969 г. процесс стал неотвратимым в условиях «усиления идеологической борьбы с капиталистическим Западом».

В «Комсомольской правде» перелом обозначился очень четко. В планы газеты на наступающий 1970 г. входило освещение двух главных тем: 100-летия со дня рождения В.И. Ленина и 25-летия победы в Великой Отечественной войне. И хотя наблюдались попытки сохранять «атмосферу экспериментальных поисков и столкновения мнений», все больше газетной площади стали занимать рубрики «Битва за урожай», «В закрома Родины» и пр. Наступала эпоха «развитого социализма», и газеты должны были направить свою энергию на консолидацию общества [Haxtable, 2022, p. 215–216].

Заключение

Оттепельная история «Комсомольской правды», представленная в монографии Саймона Хакстейбла в широких рамках смены исторических эпох, заслуживает внимания отечественного читателя. Книга принадлежит к немногочисленной пока историографии, посвященной позднесоветскому времени, для которой характерна приверженность новой хронологии. В зарубежной литературе выделяется период «длинных шестидесятых», со смерти Сталина до начала 1970-х годов (см., например: [Dumančić, 2021]). И хотя автор не использует этот термин, он скрупулезно прослеживает и возникновение, и бытование, и постепенный уход тех явлений и понятий, которые стали атрибутами оттепели – и частично сохранились, как показано в «Эпилоге», в арсенале «Комсомолки», чтобы выйти в публичное пространство с приходом Горбачева.

Подчеркивая, что в СССР пресса считалась «могучим оружием коммунистического строительства», а «Комсомольская правда» оставалась «коллективным пропагандистом и агитатором» вплоть до 1980-х годов, С. Хакстейбл далек от черно-белого идеологического подхода. Его нейтральность кажется временами даже излишней, поскольку не дает ему возможности заметить «противистский» настрой коллектива «Комсомолки», всегда старавшегося противопоставить свой профессионализм диктату сверху.

В чем же заключался этот профессионализм и каково было место журналистов в советском обществе? Политически, как полагает автор, советские журналисты как социальная группа находились где-то между художественной интеллигенцией, преданной делу десталинизации, и технической, для которой высшей ценностью являлась научная, а не политическая свобода – утверждение, прямо скажем, не совсем корректное для всего позднесоветского периода. Тем не менее прямых диссидентов среди журналистов «Комсомольской правды» не было, и, как убедительно показано в книге, их идеальные приоритеты были тесно переплетены с приоритетами политической элиты. Журналисты «Комсомолки», также принадлежавшие к советской элите, имели возможность ставить острые вопросы и распространять свои идеи среди миллионов читателей, что обеспечивало им значительный культурный капитал; при этом политического капитала – возможности претворять свои идеи в жизнь – у журналистов не было [Haxtable, 2022, p. 3].

Автор говорит о «двойной власти» журналистов, имевших доступ и в публичную сферу, и к разным уровням государственной и партийной власти; эта комбинация властных полномочий и сделала оттепельную журналистику особенно грозной. Тогда был выработан профессиональный идеал этического поведения журналиста: ответственность перед читателем, приверженность общественному благу, стремление к истине. Долг журналиста – независимо ни от чего делать «конкретное добро», что оказалось центральным для брежневской эпохи, когда законы не соблюдались и существовал огромный разрыв между писанными и неписанными правилами [Haxtable, 2022, p. 14, 69].

Монография С. Хакстейбла, наглядно представившая изменения в советском метанarrативе, т.е. в том, как СССР, превратившийся за четверть века в современное индустриальное общество, стал говорить о себе устами журналистов, является существенным вкладом в историографию позднесоветского периода. При этом нельзя сказать, что автор «закрыл тему». Напротив, многие значимые вопросы и интересные сюжеты, зачастую очерченные в книге лишь пунктиром, требуют серьезного, углубленного изучения.

Список литературы

1. Гольдфарб С.И. Комсомольская правда, 1925–2005. Очерк истории. – Иркутск, 2008. – 612 с.
2. Грушин Б. Институт общественного мнения «Комсомольской правды» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2003. – № 1 (63). – С. 60–74.
3. Ольшанский В.Б. «Были мы ранними...» // Российская социология 1960-х годов в воспоминаниях и документах. – Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. – С. 175–189.
4. Панкин Б.Д. Пресловутая эпоха в лицах и масках, событиях и казусах. – Москва: Воскресенье, 2002. – 559 с.
5. Пять принципов Алексея Аджубея // Известия. – 2004. – 6 января. – URL: <https://iz.ru/news/285551> (дата обращения: 21.10.2025).
6. Российская социология 1960-х годов в воспоминаниях и документах. – Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. – 683 с.
7. Руденко И. «Надо помнить, что есть люди, которые лучше тебя» // Журналисты XX века: люди и судьбы. – Москва: Олма-пресс, 2003. – С. 760–764.
8. Haxtable S. News from Moscow: Soviet journalism and the limits of postwar reform. – New York: Oxford university press, 2022. – XIV, 251 p.
9. Dumančić M. Men out of focus: the Soviet masculinity crisis in the long sixties. – Toronto, 2021. – XVI, 321 p.

KOMSOMOLKA: A YOUTH NEWSPAPER AS A MIRROR OF THE THAW ERA
Rec. ad op.: Haxtable S. News from Moscow: Soviet journalism and the limits of postwar reform. – New York: Oxford university press, 2022. – XIV, 251 p.

Olga Bolshakova

DrS. (Hist. Sci.), Leading Researcher at the Center for Russian studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); jkmu16@yandex.ru

Keywords: Soviet journalism; “Komsomolskaya Pravda”; 1945–1970; censorship; sociology; Institute of public opinion.

For citation: Bolshakova O.V. *Komsomolka*: a youth newspaper as a mirror of the thaw era. Rec. ad op.: Haxtable S. News from Moscow: Soviet journalism and the limits of postwar reform. – New York: Oxford university press, 2022. – XIV, 251 p. // Social novelties and social sciences. – 2025. – N 4. – P. 78–94.